

УДК 390.4:2-545

**ОБНАЖЕННЫЕ ВОЛШЕБНИКИ (КОЛДУНЫ, ШАМАНЫ):
РОЛЬ ОТКРЫТОГО ТЕЛА В МАГИЧЕСКОМ ОБИХОДЕ**

Пулькин М.В.

Статья посвящена проблемам восприятия и функциям открытого тела в магической практике. Выявлено, что обнажение становилось обязательным условием контактов со сверхъестественными существами, получения от них всесторонней поддержки, магической силы, материального благополучия. Наиболее типичные ситуации, в которых осуществлялось публичное обнажение с целью совершения колдовских действий, сводятся к причинению вреда соседям и передаче при помощи колдовства в свое хозяйство результатов сельского труда. Магические практики сибирских народов нередко предполагали обнажение с целью контакта с миром духов. Христианизированное сознание отказалось от положительных оценок обнаженности и начало расценивать наготу как средство для контакта с дьяволом.

Ключевые слова: магия, нагота, обнаженность, тело, колдовство, ведьма, шаман, зелье, обряды, язычество, христианство.

**NAKED WIZARDS (WARLOCKS, SHAMANS):
THE ROLE OF THE OPEN BODY IN MAGICAL USAGE**

Pulkin M.V.

The article considers the problems of perception and the functions of an open body in magical practice. The author reveals that the exposure became a prerequisite for contacts with supernatural creatures, obtaining comprehensive support from them, magical power, material wellbeing. The most typical situations, in which public exposure was carried out in order to commit witchcraft, are reduced to harming the neighbours and transferring the results of rural labour to their farm with the help of witchcraft. The magical practices of the Siberian peoples often suggested exposure with the aim of contacting the world of spirits. The Christianized consciousness

abandoned the positive assessments of exposure and began to regard nudity as a means for contact with the devil.

Keywords: magic, nudity, body, witchcraft, witch, shaman, potion, rites, paganism, Christianity.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

Неоднозначное восприятие наготы, постепенно сложившееся в древности и сохраняющееся до наших дней, обусловило широкое разнообразие интерпретаций образа открытого тела. В числе множества других вариантов объяснения внезапного публичного обнажения нередко присутствует мистическая форма. Она всегда тесно связана с колдовством, вредоносной или спасительной магией. В исследованиях по вопросам религии и традиционной культуры особенно часто подчеркивается значительная обрядовая роль наготы. Она широко использовалась, находя применение, «прежде всего, в ситуациях, где речь шла о репродукции природных сил как условия жизни общества». Нередки также описания ситуаций, когда нагота оборачивалась негативной стороной, выступая в качестве обязательного условия магических действий, способных причинить вред более-менее крупным сообществам людей или отдельным индивидам. «В таком значении мы находим ее в европейском культурном пространстве» [24, с. 25]. Сходные элементы магических практик прослеживаются в культуре народов Дальнего Востока. В частности, у чукчей зловещим «актом черного колдовства» считалось обнажение тела при дневном свете. «Не менее кощунственным был показ дневному свету мертвеца, особенно его лица и гениталий» [15, с. 141].

В традиционной культуре одежда, помимо своего утилитарного предназначения и знаковой функции, исполняла роль оберега, выступала

знаком принадлежности индивида к упорядоченному миру, предсказуемому человеческому сообществу. Выход за ее пределы рассматривался как крайне опасный, чреватый трагическими последствиями шаг как для стабильной жизни индивида в «этом» мире, так и для его грядущей загробной судьбы. Помимо секса и крайне ограниченного набора бытовых обстоятельств, преимущественно связанных с гигиеной, человек мог предстать перед другими с обнаженными гениталиями лишь в исключительных случаях. Они нередко связаны с теми или иными ситуациями сакрального характера, обращением к миру сверхъестественных существ с целью колдовства: в поисках помощи или с желанием причинить вред. В отличие от современных фильмов и реальных событий, когда люди охотно, часто и порой даже бесплатно демонстрируют все желающим обнаженное тело, в древности такого рода действия становились исключением. В современной литературе нередки высказывания на тему статуса обнаженной персоны. Надетая на индивида набедренная повязка – явный «признак того, что мы имеем дело с человеком», а не с животным или зловещим персонажем мифологии [21, с. 266].

Задача данной статьи состоит в выявлении специфических ситуаций обнажения, имевших место в «профессиональной» деятельности всех тех, кто контактировал с миром духов, в различные эпохи, начиная с древности и до близких нам времен.

Современные исследователи нередко подчеркивают: на протяжении веков бытовало представление о том, что полное обнажение способствует установлению «контактов с демоническими существами». По этой причине в традиционной культуре «оно рекомендовано и желательно только в рамках магических практик», но не в повседневной жизни [10, с. 12]. Обнажаясь, индивид сразу же в значительной мере теряет свою связь с миром социальным или культурным, волей-неволей вступая в опасный и непредсказуемый контакт с иным, трансцендентным миром. Для такого рода контактов необходим как особый статус в социуме, так и знание магических практик. Колдуны «образуют в обществе связующее звено между людьми и двойственным миром

злых духов». Сверхъестественные существа, утверждает известный французский антрополог К. Леви-Стросс, «одновременно являются и личностями, и предметами» [18, с. 301]. Крайне опасное взаимодействие с ними требует особой подготовки и становится возможным при наличии вполне определенных качеств, врожденных или приобретенных. Что же касается внешнего вида человека, вступающего в контакт с миром духов, то здесь условия значительно менее жесткие. По широко распространенным представлениям человек, сняв одежду, незамедлительно уподобляется сверхъестественным существам. В условиях теплого климата Африки и Западной Азии люди вполне могли длительное время обходиться без одежды. Но обнажение имело и культовое, сакральное значение во время разнообразных священных церемоний. Издревле, в самые первые века существования цивилизации, приступая к общению с божественными силами, осуществляя религиозные обряды, люди снимали с себя всю одежду, чему «в трудах по истории античного мира есть много свидетельств» [9, с. 132]. Материалы, связанные с одной из первых развитых цивилизаций в истории человечества, повествуют о такого рода фактах вполне определенно. В течение III тысячелетия до н.э. существовала традиция, согласно которой шумерский жрец всегда предстал перед богом или богиней нагим и тщательно обритым с ног до головы [11, с. 41].

Особая роль в магических практиках отводилась женщинам. В патриархатной традиции женская нагота определяется как стихийное и деструктивное явление, нередко связанное с колдовством, причинением вреда посредством магии. Под подозрение могла попасть любая женщина, обнажившаяся с непонятными для окружающих целями. В то же время представляется вполне точным наблюдение, согласно которому суровые и чреватые скорой расправой обвинения в колдовстве «в основном предъявлялись незамужним или одиноким женщинам, не имеющим мужчины ни для защиты, ни для удовлетворения сексуальных потребностей» [1, с. 108]. Простое наблюдение, присутствующее в этнографической литературе, помогает

разобраться в некоторых, далеко не во всех, скрытых аспектах колдовства. Начало доступного для изучения периода относится к временам античности. В целях наложения магического заклятия греческие жрицы «использовали так называемую "кровь из сердца" эринний». Она обозначала в действительности «не что иное, как эвфемизм – менструальную кровь». Суждение, основанное на античных материалах, подтверждается данными из иных, казалось, радикально отличающихся культурных традиций. С незапамятных времен те женщины, которые желали при помощи колдовства навести порчу на дом, поле или коровник, «во время месячных обнаженными обегали вокруг жилища этого человека, против движения солнца девять раз» [13, с. 135].

Широко известные художественные (живописные и литературные) изображения нагих ведьм находят соответствие в многочисленных описаниях сборищ колдуний, обладающих способностью обнаженными летать по воздуху или танцующих, сняв с себя всю одежду, в таинственном хороводе [27, с. 29-30]. В июле 1375 г. в городе Реджио перед судом предстала пожилая женщина, Габрина Альбетти, происходившая из довольно состоятельного рода, издавна проживавшего в селении Сан Просперо в Эмилии (Италия). Как явствует из предъявленных обвинений, она, используя свое влияние, приучила многих женщин, живших по соседству, регулярно приносить жертвы дьяволу. Одна из ее учениц рассказала следователям, что, следуя подробным инструкциям Габрины, выходила ночью на улицу и полностью обнажалась. Затем, опустившись на колени и взглядом отыскав на небе самую крупную звезду, она громко кричала: «Поклоняюсь тебе, о, великий дьявол!». В том же году во Флоренции инквизиторы подвергли допросам и пыткам некую Марту. Ее обвиняли в совершении загадочных магических действий. Марта ставила зажженные свечи вокруг тарелки, а затем, обнажившись, делала над посудой таинственные колдовские знаки руками [27, с. 271].

По европейским представлениям, воспроизведенным в известном романе Михаила Булгакова, ведьма обязательно полностью обнажалась для полета. В европейских религиозных представлениях и мифологии господствовали

сходные представления. Неспроста величайшие европейские художники Нового времени – назовем хотя бы Дюрера – всегда изображают колдуний полностью обнаженными и способными перемещаться по воздуху [23, с. 87]. Левитации, в свою очередь, предшествовало использование особой чудесной мази.

Доказательством служит описание инцидента, приведенное в фундаментальном труде Рассела Роббинса. Однажды утром молоденькая девушка внезапно и непостижимым образом оказалась обнаженной в постели незнакомого мужчины в Венеции. На допросе по поводу скандальной ситуации она пояснила, что ей довелось случайно увидеть, как ее мать использовала чудесную летательную мазь. Она нанесла на свое тело незначительные остатки снадобья и, сразу же обретя способность летать, помчалась по воздуху следом. Дочери удалось догнать свою родительницу и предотвратить задуманное ведьмой ужасное злодейство – убийство ребенка. Мать поспешно прокляла дочь и быстро улетела прочь. Инквизиторы смогли поймать проворную колдунью и, используя обличительные показания ее дочери, приговорили ее к сожжению [28, с. 428].

В сентябре 1480 г. инквизитор-доминиканец Антонио Петозелли провел суд над простолюдиной, широко известной народу под многообещающим именем Марии-врачевательницы. Согласно выдвинутым обвинениям, Мария в течение четырнадцати лет являлась ведьмой и регулярно, трижды в неделю, посещала ведовские шабаши. На собраниях колдуний она поклонялась их верховному покровителю, зная, что перед ней дьявол. Во время второго посещения ведовской сходки Мария навечно отреклась от Христа и присягнула на верность сатане. Выражая Люциферу свое глубокое почтение и прося его о помощи в колдовстве, она обычно стояла обнаженной на коленях перед изображением нечистого духа [27, с. 332-333].

Последнее по времени аналогичное свидетельство составлено в Великобритании в 1603 г. Судья выявил место регулярного сбора ведьм и колдунов и отправился туда, чтобы незамедлительно пресечь незаконное

мероприятие, поймать с поличным, арестовать и привлечь к ответственности всех его участников. Служитель закона увидел там шесть пар мужчин и женщин, танцующих обнаженными. Остальные участники богомерзкого сборища лежали вокруг [28, с. 502].

Одним из наиболее значительных по объему и информативных источников по вопросам о ритуалах, присущих шабашу, является огромный труд под названием «Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges et Démons». Его автор Пьер де Ланкр, как утверждают современные исследователи, свидетельствовал искренне и добросовестно и явно верил во все, о чем писал. Женщины, по убеждению де Ланкра, были на сборищах ведьм активной действующей силой, гораздо более деятельной, чем мужчины. Они энергично носились, распустив волосы и обнажившись догола. Некоторые предварительно натирались волшебной мазью, другие нет. Здесь можно было увидеть людей «танцующих иногда цепочкой, иногда парами, повернувшись друг к другу спинами, или в кругу, обратившись спинами к центру танца». Каждую девушку и женщину держали за руки их демоны, «которые учат их движениям и жестам настолько непотребным и бесстыдным, что им бы ужаснулись самые распутные женщины в мире». На сборище громко звучали песни «сочинения такого грубого и в словах и выражениях столь вольных и развратных, что глазам было больно, слух расстраивался и разум мешался, околдованный, при виде такого множества чудовищных мерзостей, стеснившихся вместе» [25, с. 235]. Танцы на шабаше были по большей части неприличные, в том числе всем известная сарабанда. Женщины танцевали иногда в нижних рубашках, но чаще всего обнаженными. Пляски «состояли главным образом из неистовых движений». Сам дьявол присутствовал и часто присоединялся к ним, «беря в партнерши наикрасивейшую женщину или девушку» [25, с. 235].

В воззрениях других, в том числе славянских, европейских народов обрядовая нагота также нередко сопутствовала колдовским практикам, связанным с похищением урожая у соседей по деревне. Чехи верили, что «в святоянскую ночь ведьмы голыми купаются в реке». Потом они энергично

приступают к вредоносной магии: «выжинают крестом узкие полоски жита на чужом поле» и переносят колоски на свое, отбирая урожай у соседей по угольям [7, с. 414]. На Закарпатье в день святого Иоанна Крестителя (7 июля) местные жители собирали не только полезные для здоровья людей и животных растения. Колдуньи «устраивают свои козни против коров и вообще против хозяйства». Обнажившись, они поодиночке шли искать особые, известные только им «вредные травы, чтобы отобрать у соседских коров молоко и передать его своим» [6, с. 85]. Иногда обнажение предшествовало исполнению женщиной магических обрядов, связанных с «отбиранием» урожая или надоя в свою пользу. Летом в Западной Болгарии рано утром женщины выходили на поля с особой, уникальной и магической целью. Одна из них, раздевшись донага, неспешно шла через поле, «срывая по несколько колосьев и тем самым "отбирая" урожай в свою пользу» [3, с. 18]. Другой вариант магических действий заключался в том, что ведьма тайком отправлялась в поле. Поздно вечером, «после того, как на посевах легла роса», она некоторое время энергично каталась по ним голой. Затем, вернувшись домой, колдунья собирала капли росы с собственного тела и замешивала на них лепешку. Свежую выпечку ведьма оставляла в своем амбаре, чтобы повесить собственное благосостояние за счет соседей [2, с. 401].

Южнославянские материалы в целом подтверждают выявленную ранее закономерность: нагота ведьм позволяла им добиться достатка, отнимая при помощи магии имущество и результаты труда (урожай, удои) у соседей. У болгар и македонцев колдуньи нагими объезжали чужое стадо, поле или загон со скотом, сидя верхом на навое (части ткацкого станка). Затем они шли к своим коровам, «к которым и переходило молоко от чужих коров» [2, с. 390]. Болгарская колдунья «обычно обходит поле нагой, рассчитывая на то, что св. Иоанн увидит ее такой, сжалится над несчастной и покажет ей главный колос – средоточие всего урожая, так называемую "мать нивы"». Вместе с ним в амбар ведьмы незамедлительно придет продовольственное изобилие [2, с. 401-402]. Иногда именно по необъяснимому публичному обнажению крестьяне пытались

выявить колдунью, намеревающуюся причинить им заметный вред. В начале XX в. воронежские крестьяне чуть не убили свою односельчанку, подозревая ее в ворожбе. Очевидцы утверждали: «Девка эта якобы ходила голая по селу и снятой рубахой разгоняла тучи». Только решительное вмешательство местного приходского священника спасло несчастную от неминуемой жестокой расправы [5, с. 28]. В представлении сельского населения Витебско-Псковского пограничья, ведьма, которой, как правило, считали обычную жительницу деревни, не имела явных отличительных черт. Она «обретает соответствующий облик в момент совершения вредоносных магических действий: раздевается донага, что лишает ее статуса в мире людей, распускает и взъерошивает волосы» [32, с. 96].

Сбор трав, применяемых для колдовских целей, представители разных народов и обоего пола, жившие в различные исторические эпохи, нередко осуществляли обнаженными. Наиболее ранние свидетельства о таком порядке заготовки растений относятся к Древней Греции. В трагедии Софокла «Зельекопы» содержится описание трудов волшебницы Медеи, которая хранила у себя в ларцах собранные ею чудодейственные травы. Для их поиска и обретения растений ей приходилось обнажаться. Необходимые для колдовских чар травы «она с причитанием громким, обнаженная, медным ссекала серпом» [29, с. 128]. Имеются значительно более поздние чешские свидетельства об особом магическом воздействии трав, собранных нагишом в определенное время года. Растения использовались, «например, охотниками и браконьерами для чар, которые должны были обеспечить им удачную охоту» [24, с. 29]. В России ведун-зелейник представал перед лекарственным растением – объектом своих долгих, но небезуспешных поисков, – «как говорится, в чем мать родила». В таком виде колдун ничком падал на землю перед необходимой ему травой, тихо произнося обязательные слова заклинания [16, с. 210]. В волшебную ночь на Ивана Купалу, когда колдовские травы набирали наибольшую силу, по утверждению этнографа начала XX в. С.В. Максимова, существовавшие и в его время «лихие» мужики и бабы, занимавшиеся магией,

снимали с себя рубахи и оставались обнаженными до самой утренней зари. Они старались не упускать драгоценное время, пригодное для сбора трав, и усердно трудились в полях и лесах: заготавливали впрок необходимые для чародейства растения [20, с. 470-471]. Периодическое обнажение с магическими целями становилось обязательным и для простых русских крестьянок. В Иванов день, когда природа достигает высшей точки своего расцвета, было принято собирать лекарственные травы, приобретающие максимальную лечебную силу, а также растения, не способные исцелить человека или животное, но необходимые для ворожбы и гаданий. Обычно чудодейственные растения собирали женщины, обнаженные или в одних рубахах с распущенными волосами» [14, с. 44].

Мужское обнажение во время совершения колдовских ритуалов прослеживается по ряду источников, связанных с разными эпохами и континентами. Китайские экзорцисты «самоотверженно и яростно» размахивали над лежащими больными своими церемониальными мечами, изгоняющими зловредных призраков. «При этом волосы у них часто распущены и покрывают обнаженное тело, а в зубах зажат кинжал». Так они пытались избавить несчастных от демонов безумия, горячки и лихорадки, отваживали от страждущих «злобные силы, приводящие к женскому бесплодию» [8, с. 238]. По сообщениям авторов XVII в., подтверждаемым данными фольклора, лапландские шаманы «практиковали камлание в совершенно обнаженном виде, как и многие другие арктические народы». Они «добивались настоящего каталептического транса, во время которого их душа, дескать, спускалась в Преисподнюю, чтобы сопровождать покойников или отыскивать души больных» [34, с. 197; см. также: 15, с. 267]. В раннесредневековой Испании во время гонений на последователей епископа Присциллиана один из поддерживавших его еретиков под пытками признал себя виновным в совершении вредоносных магических ритуалов. Он покаялся в разнообразных нарушениях морали: регулярном «общении с бесчестными женщинами» и в неоднократном совершении кощунственных молитв Богу в обнаженном виде. По итогам расследования он и его соратники-еретики были

осуждены на смерть и казнены [31, с. 57].

Далеко от места описываемых событий наблюдаются сходные сцены. Индийский колдун и его клиент во время совершения обрядов всегда «должны быть обнажены». Вероятно, в данном случае нагота стала необходимой для того, чтобы снять все существующие барьеры между ними и магическими силами [22, с. 139]. Африканские материалы вновь подтверждают указанную закономерность. Колдуны народности иджо, жившие в дельте реки Нигера, верили, что наибольшую магическую силу чародеи набирают к полуночи, когда выходят из домов. Колдуны неспешно «собираются группами и танцуют обнаженными вокруг домов, а затем отправляются дальше по своим делам» [12, с. 208]. Славянские материалы рисуют облик колдунов, занятых привычным делом: причинением всевозможного вреда односельчанам. «Желая сделать так, чтобы у соседей не держался скот», колдун тайком проникал к ним в хлев. Оказавшись в хозяйственной постройке, он совершал простой, но зловещий обряд: «трется голым задом об углы, чтобы хлев стал "голым" (т.е. пустым), как голый зад» [19, с. 387]. Нагота в момент совершения колдовских обрядов характеризует не только ведьм и колдунов, но и совсем фантастических бесполок персонажей мифологии – ходячих мертвецов. Они также способны похитить урожай у неудачливого крестьянина: «Пройдет по твоему полю, и у тебя ни чёрта не будет. Разденется догола и ходит по твоей ржи» [30, с. 388].

Обнажение характерно и для магических действий шаманов. «Видя себя обнаженным, полностью освобожденным от бранных и преходящих плоти и крови», он на магическом языке шаманов освящает себя для выполнения грандиозной задачи – опасного, но необходимого людям контакта с миром духов [33, с. 295]. Один из чукотских шаманов будто бы «погружался под землю вместе с бубном голый, уходил далеко» и вновь выходил на поверхность земли. Затем он возвращался обратно из трансцендентного пространства в реальный мир и громко стучался снаружи в собственную дверь [4, с. 99]. В определенных ситуациях шаманы требовали частичного обнажения от обращающихся к ним женщин. Предсказывая судьбу младенца, сибирский

шаман, поплевав на берестяные фигурки, приклеивал их к обнаженному телу женщины. «Если фигурка прилипла, он говорил, что ребенок будет жить, если нет – умрет» [26, с. 95]. Бесплодные попытки избавиться от притягательной, но зловещей власти духов, предпринимаемые будущим шаманом, также порой осуществляются в обнаженном виде. Известно, что прежде чем стать шаманом, человек заболевает специфическим расстройством поведения. Своеобразная «шаманская болезнь» проявляется в утрате интереса к жизненным потребностям: в том, что он не ест, не пьет, не спит. Его постоянно преследуют духи, требующие взаимодействия с ними. Они регулярно крадут с его стола пищу, щекочут по ночам, через отверстие в чуме проникают внутрь, прячутся и перешептываются в углах его жилища. Добровольно, по собственному решению человек не хочет идти по шаманской стезе, но духи настоятельно принуждают его стать их всевластным повелителем. «Временами в зимние ночи я незаметно от своих выходил голый и сидел на дереве. С рассветом осторожно, чтобы не узнали родные, ложился в свою постель», – рассказывает якутский шаман [17, с. 203-204].

Многовековые традиции, связанные с обнажением, вполне логично переместились из сферы колдовства на новую конфессиональную почву, приобретая здесь иные функции. Основатель так называемой религии «пляски духов» в свое время пережил экстатическое состояние, предрешившее его дальнейшую успешную наставническую карьеру. Родоначальник специфического культа, пророк Вовока, в состоянии транса взобрался на высокую гору и встретил красивую женщину, одетую в белое. Она открыла ему, что таинственный и всемогущий «Хозяин жизни» находится на вершине горы. Будущий пророк незамедлительно сбросил с себя всю одежду, помылся в ближайшей реке и в состоянии полной ритуальной наготы предстал перед загадочным правителем мироздания. Последний, видя перед собой достойного ученика, точно знающего, что следует делать при встрече со сверхъестественным существом, всем своим видом доказавшего полную преданность и способного решительно действовать ради общего блага,

незамедлительно выдал ему всякого рода суровые наказания нравоучительного характера, обязательные к исполнению. Первый из них заключался в противодействии опасным переселенцам: «не допускать белых на территорию». Второе обязывало отказаться от алкоголя и постоянно «бороться с опьянением». Третье призывало к мирному сосуществованию с соседними племенами и содержало запреты нравственного характера: «отказаться от войны и полигамии». Затем, по завершении общения, мистический властитель мира дал ему несложную молитву, которую незамедлительно «надо было передать людям» [34, с. 142].

Подводя итоги, отметим, что обнажение присутствовало в колдовских обрядах народов, живших на земле в разные периоды истории на далеких друг от друга частях света. При несомненном различии культур между обрядами наблюдаются ощутимые черты сходства. Обнажение становилось обязательным и весьма часто достаточным условием для начала волшебства, магических действий и непременным условием для вступления в контакт со сверхъестественными силами. Языческое мировоззрение предполагало регулярное, обусловленное календарной обрядностью взаимодействие с персонифицированными силами природы, преимущественно при сборе трав и при сельскохозяйственных работах. Последний случай предполагал перераспределение результатов труда в пользу свершителя магических действий. В качестве «адресата» обнажения для сибирских народов, приверженных шаманизму, выступали духи, с которыми нагой чародей мог вступить в непосредственный контакт. Христианизированное мировоззрение привнесло в осмысление ритуальной наготы новые черты. Обнажение стало обязательным условием близкого контакта с дьяволом, нечистой силой и своего рода обязательным элементом внешнего облика во время ведовских сборищ.

Список литературы:

1. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789-1918. М.: Издательский дом государственного университета – Высшей школы

экономики, 2011. 408 с.

2. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: «Индрик», 2002. 816 с.

3. Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. СПб.: Издательство Алетейя, 2001. С. 11-25.

4. Басилов В.Н. Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1986. С. 94-109.

5. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Тамбов: Грамота, 2012. 124 с.

6. Богатырев П.Г. Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. 368 с.

7. Валенцова М.М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2016. 616 с.

8. Де Гроот Я.М. Демонология древнего Китая СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 448 с.

9. Дерягин Г.Б., Эриашвили Н.Д., Антонян Ю.М., Лебедев С.Я. Криминальная сексология. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2011. 399 с.

10. Добровольская В.Е. Запреты и предписания, связанные с обнажением человеческого тела (на материале Владимирской и Ярославской областей) // Традиционная культура. 2010. № 1 (37). С. 11-17.

11. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.

12. Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 319 с.

13. Камад И.М. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М.: Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 2006. 176 с.

14. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. 8-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011. 296 с.

15. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским

археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

16. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2000. Т. 1. 410 с.

17. Кулемзин В.М. О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.

18. Леви-Стросс К. Печальные тропики. Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 576 с.

19. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. 528 с.

20. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 530 с.

21. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.

22. Мосс М. Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.

23. Мюшембле Р. Цивилизация запахов. XVI – начало XIX века М.: Новое литературное обозрение, 2020. 180 с.

24. Навратилова А. Ритуальные функции наготы в чешской обрядовой культуре // Славяноведение. 2009. № 6. С. 24-35.

25. Найт Р., Райт Т. Сексуальная символика. Легенды и тайны. М.: ЗАО Издательство «Центрполиграф», 2010. 253 с.

26. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.

27. Рассел Дж.Б. Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. 480 с.

28. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М.: Локид; МИФ, 1996. 560 с.

29. Рэнкин Д., д'Эсте С. Геката: пограничные обряды. М.: Thesaurus Deorum, 2018. 238 с.

30. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.

31. Циркин Ю.Б. Испания от античности к Средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. 456 с.
32. Цыганкова А.С. Вредоносная магия в контексте купальской обрядности сельского населения Витебско-Псковского пограничья // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 4. С. 91-111.
33. Элиаде М. Йога. Свобода и бессмертие. Киев: София, 2000. 400 с.
34. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза. М.: Ладомир, 2015. 552 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.